

Сербские граничары

Ю. В. Костяшов

В январе 1747 г. российский посол в Австрии Л. Ланчинский был приглашен (впервые) на смотр граничарских полков, проходивших через Вену. Они направлялись в Нидерланды, где находился один из театров войны за Австрийское наследство (1740—1748 гг.) Австрии и Англии с их союзниками против Франции и Пруссии с их союзниками в борьбе за раздел владений Габсбургов. В реляциях царице Елизавете Петровне писал своим впечатлениями об увиденном: «Батальон состоял в 870 человеках крупного народа. В том же числе гренадерская компания, которая, как я [с]нял, была в 95 человеках. Кашкеты [фуражки] имели кожаные черныя, с золочеными орлами, с черным же пером, все люди в изрядном мундире далматинским фасоном». «Народ от большой части вельми круен и силен, — писал Ланчинский в другой реляции. — Мундир лазорвый да епанчи красныя, добрыя и обоюдное оружие изрядно же». Пригласивший посла на смотр фельдмаршал Гильдбургхаузен был самого высокого мнения о граничарах: «Нацию вельми хвалил, особливо в том, что с самого начала его команды ни один человек к исприятелю не дезертировал, а хотя-де которые и отлучились, то в дома и деревни свои пришли, не пропали. Народ-де здоровый и маршируют скоро»¹.

Внимание российского посла к граничарам было не случайным: в то время они составляли около половины численности всего австрийского войска, являясь основным населением особой области — Военной границы (Крайины) в составе Австрийской монархии. Военная граница образовалась на южных рубежах этой монархии во второй четверти XVI века². Первоначально там находились отдельные военные поселения, главной целью существования которых стала оборона от возможных нападений турок-османов. Постепенно территория Границы расширялась, в XVIII в. она протянулась сплошной полосой вдоль рубежа с Турцией от Адриатического побережья до Трансильвании, и в конце века ее население насчитывало 900 тыс. человек, живших и служивших внутри генералатов, полковых и ротных округов, общин. В середине того же столетия в Военной границе было 14 полков, каждый из которых состоял из 12 рот по 206 рядовых солдат. Общее число граничар в мирное время — 35 тыс., в период войны оно увеличивалось до 100 тыс. и даже более³.

Австрийскую Военную границу нельзя считать изобретением Габсбургов. Со времен Римской империи и на протяжении всего средневековья многие государства имели подобные пограничные области, обладавшие, по сравнению с внутренней территорией, особым военным устройством. Имелись они и в средневековом Сербском королевстве. Но, пожалуй, нигде и никогда им не принадлежало такое первостепенное значение, как в Австрии на протяжении XVI—XIX веков. Главную массу населения Границы составляли сербские переселенцы. Османское нашествие на Европу вызвало к жизни бурную миграцию, приведя в движение народы Балкан. Переселения сербов не ограничились временем завоевательных походов османов

в XIV—XV вв., но продолжались и в дальнейшем, наибольшего размаха достигнув в конце XVII — первой половине XVIII вв., и были непосредственно связаны с австро-турецкими войнами. Сербские поселения появились на территории, протянувшейся от Далмации и Западной Хорватии до Румынии и Венгрии⁴.

Кульминацией самой мощной миграционной волны стал переход нескольких десятков тысяч беженцев из Сербии за реки Дунай и Саву во время войны Священной лиги с Турцией (1683—1699 гг.). Сокрушительный разгром турок под Веной в 1683 г. и ваническое бегство их армии сразу нашли, в частности, отклик среди сербов. По сообщениям современников, на стороне австрийцев сражалось до 20 тыс. сербов. Но после взятия в октябре 1689 г. г. Скопье австрийская армия утратила наступательную силу, а потом и сама обратилась в бегство. Возвращение турок сопровождалось страшной расправой над местным населением. «И было то время жестокого страха и горя! — сообщал летописец. — Матерей с детьми разлучали, отцов с сыновьями, молодых в рабство гнали, а старых секли и вешали. Люди к себе смерть призывали, а не жизнь под проклятыми турками и татарами». Вслед за отступавшей австрийской армией десятки тысяч сербов во главе с Арсением III Черновицем патриархом Печским двинулись к Белграду, затем стали переправляться через Дунай и Саву. Очевидец событий так описывал этот последний этап переселения в 1690 г.: «Серби же влезло вси в струги, и бысть стругов до десяти тысяч. И побегоша вси рекою Дунаем против воды и приидоша под град Буду, который есть под цесарем, под турками же никто от сербов не оста, но все цесарю поддашася и седоша округ реки Дуная и по иным городам»⁵.

Переселявшиеся в Австрию сербы, как правило, обладали военным опытом: многие при турках служили во вспомогательных военных отрядах или участвовали в движении гайдуков, во время австро-турецких войн поднимали восстания или сражались под командованием австрийских полководцев. В Европе широко распространилось мнение о сербах как о перво-классных воинах. Посетивший балканские владения Венецианской республики в конце XVII в. столик П. А. Толстой записал в дневнике впечатления о бежавших «от рук проклятых бусурман» сербах: «Те сербы люди военные, подобяты во всем донским козакам, говорят все славянским языком... К московскому народу zelo приветны и почитательны». Со времен Петра I российская дипломатия не раз строила планы использования военного потенциала балканских славян в борьбе с Турцией. В 1713 г. российский агент в Венеции прислал проект создания 500-тысячного повстанческого войска из сербов, черногорцев и других православных народов с упором на то, что осуществление такого проекта будет стоить «пустяки»: «Только б тем народам дать воинския припасы и генерала или иного какова начальника, который б их управлял и в добрый порядок приводит»⁶.

Австрийские власти охотно принимали беженцев из Турции, предоставляли им льготы и включали в граничарское войско. Для сдерживания миграции сербов турецкие власти выставляли на переправе через Дунай и Саву посты, в задачу которых входило возвращение переселенцев в их села. Помимо сербов граничарами становились хорваты, немцы, венгры, румыны, представители некоторых других этнических групп, включая запорожских казаков, которые после ликвидации по указу Екатерины II Запорожской сечи обратились к венскому правительству с просьбой об их поселении в Военной границе. Получив дозволение императора Иосифа II, в 1785 г. около 8 тыс. запорожцев переселились в Австрию, в основном на территорию Баната. Они сохранили самоуправление, право выбирать кошевого и куренных атаманов, получали жалованье. Довольно скоро они слились с окружающим сербским населением и не сохранили особого этнического типа⁷.

Австрийские власти по-своему выделяли сербов среди остальных граничар. В докладе о сербах, написанном в 1761 г. для будущего императора Иосифа II, автор называл их храбрыми, подвижными, выносливыми воинами, хорошо владеющими оружием, не склонными к предательству, которые к тому же обладаются несодорого и вследствие частых постов потребляют мало пищи. В 1785 г. Иосиф II, направляя инструкцию своим комиссарам с характеристикой народов, населявших Военную границу, о вилах писал как о «неразвитых, непонятливых и наклонных к воровству»; хорваты — «страшные и неразборчивые истребители лесов, беспорядочные хозяева, и поэтому в этом отношении с ними дозволительна всякая строгость... Сербы же очень способны и менее наклонны к обману; они — природенные воины, а еще более ловкие купцы. Их умножение весьма желательное... Переселение по возможности большия людей распанской [сербской] нации из Турции гораздо желательнее, нежели всякия другия»⁸.

Ф. Энгель, составитель по поручению венского правительства описания Славонии и Срема в 1786 г., давал следующую характеристику иллирам (сербам): «Любовь к дикой свободе, миролюбие и склонность к неумеренному питию — природенные свойства иллира. А кроме

Костяшов Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Калининградского университета.

того еще и чрезмерная приверженность к дурным привычкам, каковые они выдают за религиозные обряды... Сама по себе эта нация не глупая, имеет большие способности к наукам и особенно выделяется преданностью монарху, гостеприимством, неустрашимой храбростью и отвагой, способной одолеть любые опасности и даже самую смерть»⁹.

Социальное положение и правовой статус жителей Военной границы определялись специальными законами. Они являлись свободными крестьянами на государственной земле, обязанными нести военную службу; находились вне юрисдикция местных властей; подчинялись непосредственно монарху и центральному правительству. В Крайне не было помещиков, грабичары не несли барщины и были освобождены от значительной части налогов. В качестве платы за несение службы граничарам передавались в пользование земельные участки, размер которых зависел от воинского звания и числа мужчин, способных носить оружие. Жалованье офицерам выплачивалось в основном деньгами. Кроме того, каждый солдат ежегодно получал бесплатно пару сапог, оружие и боеприпасы. Жили они большими семьями — задругами. В одном доме проживало несколько семейных пар, происходящих от общих предков и находившихся в патриархальных отношениях. Обычно задруга насчитывала до 60 человек четырех поколений, внутри нее малая семья имела до 5 детей. Самый старший и заслуженный мужчина в семье — газда. Этот домовладелец не служил в войске и руководил жизнью задруги; распределял работу, представлял ее перед властями, хранил кассу и ключи от амбара, ходил в суд, первым садился за стол и определял меню совместных трапез. Члены задруги обязаны были содержать не менее чем одного солдата со снабжением одеждой и пищей¹⁰.

Австрийцы поняли выгоду существования больших семей и поддерживали сохранение задругской системы. Она стала экономической основой самой дешевой армии в Европе. Основной граничарский закон 1807 г. урезал возможности деления патриархальных семей и перехода из одной задруги в другую, нарушителей ожидали арест и битые палками. Для поддержания общего благосостояния задруги при выдаче замуж дочерей запрещалось выделять им особое приданое и свадьбы разрешалось справлять в течение не более одного дня. Задруга просуществовала на протяжении всего XIX в., а в некоторых местах сохранилась до середины XX столетия¹¹.

Военная граница имела собственные уголовное законодательство и систему судопроизводства. Широкие права отдавались воинским командирам. Вызвать до XX в. применялись пытки и другие жестокие наказания. За проступки наказывали бичом или биты палками. Нарушение субординации каралось отрубанием руки. Лжесвидетеля лишали двух пальцев. Участников тайных собраний вешали. Шпионов и перебежчиков к туркам живьем жгли на кола, а их семьи изгонялись. Преступников сжигали на костре или колесовали. Сохранение таких наказаний австрийцы оправдывали «природной дикостью» граничар и необходимостью поддерживать строгую воинскую дисциплину. Воинские уставы определяли порядок службы, жизнедеятельность и внешний вид граничар. Вот как выглядела парадная форма одного из подразделений во второй половине XVIII в. в современной Воеводине: черный фетровый клубок с рангом, на котором спереди крепился императорский символ — латунный двуглавый орел, а с левой стороны его украшала желтая розетка; сюртук из темного сукна с красным воротником, одним рядом белых металлических пуговиц и завернутыми полами; голубые брюки, отделанные красными лампасами; башмаки или полусапожки; ранаец и ремни из белой кожи. В качестве личного оружия граничар имел ружье с длинным штыком и саблю с золоченой португесей.

Из сербов формировались офицеры вплоть до полковника, а высшие командные должности занимали немцы. Но были и исключения: в XVIII в. за храбрость на ратном поле и верность цесарю М. Микашинович первым среди сербов был пожалован генеральским чином.

Социальная структура Военной границы отличалась мобильностью: каждому можно было выдвинуться из низшего слоя и стать офицером. Только в XVIII в. начинается формирование закрытого старшего офицерского слоя. В школы офицеров идут исключительно их дети; в их среде распространяется немецкий язык, и родители предпочитают, чтоб дети начинали службу в немецких полках. По образу жизни, политическим устремлениям и языку сербские командиры все более отличаются от рядовых. В своих поселениях они ведут себя как настоящие господа. Посетивший в 1804 г. Военную границу русский поэт и ученый А. С. Кайсаров записал в дневнике: «Офицер здесь все: и военный начальник и судья гражданский»¹².

Формированию граничарской элиты и ее слиянию с австрийским господствующим классом способствовало награждение ее офицеров дворянскими титулами за заслуги перед монархом. Германизация вообще поощрялась венскими властями, а ее влияние, по словам

автора вышеупомянутого доклада 1761 г., заключалось в том, что у сербов «меньше стало грубости, а среди их офицеров найдется немало таких, которые по умению держать себя в свете несколько не уступают другим во всем, что касается учтивости и изысканности манер». Это офицерство, однако, имело более важные заслуги, ибо руководило конкретными элементами антитурецкой оборонительной системы с опорой на крепости, которые являлись центрами военных округов. По данным русской разведки, самыми мощными среди них были крепости Петроварадин (у Нового Сада) и Земун (близ Белграда)¹³.

В реляции русского посла в Вене Д. М. Голицына от 10(21) декабря 1773 г. приводились данные о количестве пушек по крепостям: в Петроварадине было сосредоточено 515 орудий, в Земуне — 425. Для сравнения: Вена защищали 420 пушек, Прагу — 211, а Пешт — 57. В течение нескольких веков существования Военная граница меняла свои функции. Первоначальное ее назначение — служить заслоном от турецких вторжений. Но с XVIII в. граничарское войско все чаще используется в других войнах, которые вели Габсбурги. Батальоны граничар маршируют по Германии, Нидерландам, Италии, Франции, Испании, участвуют в борьбе за разделы Польши. Вена прибегает к их услугам также для борьбы с сепаратистскими движениями внутри страны. С 1690 г. по 1802 г. граничары участвовали в 13 войнах и из этих 112 лет 90 провели в походах и сражениях. За время наполеоновских войн из 101,7 тыс. солдат Крайны погибли в боях почти 39 тысяч. Вот главный «налог», который платили граничары, — кровью. Убыль населения вследствие войн компенсировалась отчасти притоком новых переселенцев из турецких владений и отчасти за счет большого потомства вследствие утвердившегося в Границе обычая весьма ранних браков. Была убыль и иного рода: в связи с ликвидацией в середине XVIII в. ряда военных округов тысячи сербов, не пожелавших расставаться с военным ремеслом, устремились в Россию, продолжили здесь службу и основали на Украине ряд сербских военных поселений¹⁴.

Помимо военных граничары выполняли ряд других функций: они обязаны были бесплатно участвовать в облавах на банды разбойников, подавлять крестьянские волнения, нести патрульную службу. Наконец, Военная граница являлась своеобразным защитным кордоном от проникновения в страну чумы и других опасных болезней с Востока. Там вдоль границы располагалась цепь контумацев — санитарных зон, в которых по несколько недель проходили карантин везжающие в страну лица, а также перегоняемый на продажу скот. Контумацы были, однако, препятствием для развития торговли. Карантинные меры компенсировались отчасти тем, что на границе с Турцией были созданы так называемые растельи — площадки для торговли с двойной параллельной оградой посередине. Торговцы с обеих сторон могли разговаривать через двухметровый проход и заключать сделки, а находившиеся между барьерами служители перетаскивали товары и передавали деньги¹⁵.

Наряду с пехотными и конными полками в состав граничар входила речная флотилия — расквартированный в Воеводине Шайкальский батальон, использовавшийся для обеспечения безопасности судоходства по Дунаю, Саве и Тисе и борьбы с контрабандой. Его название происходит от шайки — деревянной речной лодки. Крупные шайки длиной около 24 м и шириной более 2 м приводились в движение 13 парами весел. Экипаж состоял из 40 бойцов-гребцов. На носу и корме торчали по две пушки. Положение всех сербов-граничар было благоприятное, чем у их гражданских соотечественников: первые имели лучшие земли в поиме главных рек, оставались лично свободными, платили меньше налогов и др. Поэтому главное их устремление состояло в сохранении статуса «военной пашии». Между тем венгерские и хорватские феодалы много раз добивались от Вены ликвидации Военной границы и ее подчинения местным властям. Например, с таким требованием обратились к Марии-Терезии хорватские посланцы в 1764 г., объясняя свой шаг страхом, как бы «то чудовище, раскинувшееся от московских границ до Адриатического моря... со временем не поглотило и пашу [католическую] веру и пашу [хорватскую] державу»¹⁶. Однако Габсбурги, нуждавшиеся в граничарах и считавшие их личной гвардией, неохотно шли навстречу подобным вниятиям.

Слабнее была действа Вены и католического Загреба, когда речь шла о попытках связать православным сербам унию с католической церковью. Использовались разнообразные приемы: от ограничения прав православных священников и запрета на строительство церквей до карательных акций против отказавшихся принять унию граничар. Одной из причин граничарских бунтов, сотрясавших порою монархию, была как раз религиозная политика Вены. Особую неприязнь властей и католического клира вызывали православные монастыри в сербских этнических анклавах, оказавшихся в католической среде: они оставались хранителями национального самосознания сербов, средоточием их духовной жизни и центрами сопротивления унию. Власти предпринимали немалые усилия, чтобы закрыть монастыри или хотя бы изгнать схизматиков. Сопrotивление же было отчаянным. Так, после передачи Веней

православной обители Марчи убитам сербы 28 июня 1739 г. сами подожгли монастырь, предварительно вывезя архив, ценности и утварь. Результаты наступательной религиозной политики Габсбургов оказались ничтожными в сравнении с громадностью затраченных усилий: сербские границы отстояли свою веру и церковь. К тому же именно борьба за православие дифференцировала сербов от этнически близких им хорватов-католиков и явилась объединительным фактором для сербского народа¹⁷.

За более чем 300 лет существования Военная граница пережила много реформ. Еще до XIX в. было предпринято не менее 30 попыток усовершенствовать граничарскую систему. Но ее существо оставалось без изменений: граничары были пахарями и воинами одновременно. Самообеспечение граничарских формирований, делавшее их гораздо дешевле регулярной армии, определяло жизнеспособность Военной границы. Ее в 1809 г. не стал ломать даже Наполеон. И только после образования в 1867 г. Австро-Венгрии Вена под давлением хорватских и венгерских правящих кругов пошла на ликвидацию Границы, тем более, что становилось заметным ее отставание от гражданских провинций, охваченных волной экономического и политического либерализма. Указами Франца-Иосифа I в 1869—1870 гг. граничарские поселения ликвидировались, территория Границы передавалась под управление гражданским властям. Переход завершился в 1873 году¹⁸.

Это нарушило прежний уклад жизни граничар. Строгие воинские уставы заменило либеральное гражданское законодательство. Дисциплинированную и образцовую военную администрацию сменили плохо подготовленные и коррумпированные чиновники. Быстро разрушались патриархальные отношения у граничар, началось расслоение и обнищание жителей Крайины. А в их памяти времена былой военной службы продолжали оставаться «золотым веком»¹⁹.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 32, оп. 1, 1747 г., д. 5, л. 35, 37, 96об. Личинский называет всех граничар кроатами (то есть хорватами), хотя описанные им батальоны были сформированы в округах Лике и Крбаве, Банате, Вараздинском генералате с преимущественно сербским населением. Из других документов видно, что речь идет как раз о православных сербах-граничарах (там же, 1750 г., д. 3, л. 136об.).
2. ВИТКОВИЋ Г. Критички поглед на прошлост у Угарској.— Гласник Српског ученог друштва, књ. 38, Београд, 1873, с. 202—203; ВАНИЧЕК Ф. Историја Војничке крајине. Књ. 1. Нови Сад, 1880, с. 19—20.
3. САВКОВИЋ Ј. Преглед поставка, развитка и развојачења Војне границе. Нови Сад, 1964, с. 62; MIRKOVIĆ М. Економска историја Југославије. Загреб, 1958, с. 198.
4. Војне крајине у југословенским земљама у новом веку до Карловачког мира 1699. Београд, 1989, с. 347—348; ИВИЋ А. Досељаване Срба у Угарску, Хорватску и Славонију.— Летописе Матице Српске, књ. 354, Нови Сад, 1940, с. 185—187.
5. ПОПОВИЋ Д. Срби у Војводини. Књ. 1. Нови Сад, 1957, с. 315; СТАНОЈЕВИЋ Г. Србија у време Бечког рата. Београд, 1976, с. 149; ПАНИЋ-СУРЕП М. Кад су живи завидели мртвима. Београд, 1963, с. 124; Второе запуштење (Србије) Афанасија диакона Србина, 1691—1699.— Споменик Српске Краљевске Академије, књ. 5, Београд, 1890, с. 32.
6. САМАРДЖИЋ Р. Кадидски рат у Српској историји.— Глас Српске Академије наука и уметности (ГСАНУ), књ. 343, Београд, 1986, с. 181; ПОПОВ Н. Путешествие в Италию и на о. Мальту стольника П. А. Толстого в 1697 и 1698 годах.— Атеней, 1859, № 8, с. 424; Российский государственный архив древних актов, ф. 32, 1713 г., д. 5, ч. 2, л. 475—476об.
7. Поселения запорожцев в Банате.— Киевская старина, 1882, т. 2, № 6; ГРАЧЕВ В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII—XIX вв. М. 1990, с. 16; ДЖЕЛАП Л. Колонизация запорожских казака у данашњој Војводини у XVIII столећу.— Зборник Матице Српске за друштвене науке, књ. 24, Нови Сад, 1959; SETON-WATSON R. W. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. Lnd. 1911, p. 44.
8. БАРТЕНШТАЈН Ј. К. Кратак извештај о стању расејаногa многобројногa влирскогa народа. Беч, 1866, с. 116; ПОПОВ Н. А. Сербы в Австрии.— Русский вестник, 1865, т. 57, № 5, с. 300—301.
9. ЕНГЕЛ Ф. Ш. Опис краљевине Славоније и војводства Срема.— Зборник Матице Српске за књижевност и језик, књ. 19, св. 2, Нови Сад, 1971, с. 308—309.
10. ГАВРИЛОВИЋ С. Друштвено-економски развитак Јужне Угарске (Војводине) од краја XVII до средине XIX века.— Историјски часопис, 1982—1983, № 29—30, с. 249; STANIĆ N.

- Socijalna struktura i nacionalna integracija Vojne Krajine.— Naše teme, 1982, № 11, s. 1904—1905; PAVLIČEVIĆ D. Kućne zadruge u Vojnoj Krajini.— Ibid., s. 1891—1898.
11. ГАВРИЛОВИЋ С. Основни граничарски закон из 1807 (1808) године.— Зборник за историју, 1988, № 38, с. 159—161; Шајкашка. Историја. Т. 2. Нови Сад, 1975, с. 187—191, 210; GROSS M. Socijalna historija i istraživanje Vojne Krajine.— Naše teme, 1982, № 11, s. 1889.
  12. Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. Пг. 1915, с. 76; Историја српског народа. Књ. IV, т. 1. Београд, 1986, с. 200; ГАВРИЛОВИЋ С. Срби у Угарској и питање мађаризације у првој половини XIX века.— Историјски часопис, 1976, № 23, с. 89; SZABO A. Socijalna historija Vojne Krajine.— Naše teme, 1989, № 7—8, s. 1936.
  13. ФОРИШКОВИЋ А. Племяство код Срба у Угарској у XVIII веку.— Зборник за историју, 1981, № 24, с. 40; АВПИРИ, ф. 33, оп. 1, д. 92, л. 158.
  14. БАЖОВА А. П. Из југославјанских земља в Россию.— Вопросы истории, 1977, № 2; КОСТИЋ М. Српска насеља у Русији: Нова Србија и Славеносрбија.— Српски етнографски зборник, 1923, № 14; СТОЈАЧКОВИЋ А. Черте живота народа српског у унгарским областима. Беч, 1849, с. 43сл.; РАКИЋ Л. Надаљ. Нови Сад, 1988, с. 26; ROKSANDIĆ D. Vojna Krajina i «nova historija».— Naše teme, 1982, № 11, s. 1922.
  15. VALENTIĆ M. O nekim problemima Vojne Krajine u XIX st.— Historijski zbornik, Zagreb, 1964, књ. 17, № 1—4, s. 361—362.
  16. ГАВРИЛОВИЋ С. Из историје Срба у Угарској и Славонији у XVIII веку.— Зборник за историју, 1977, № 15, с. 48; его же. Срби у Хрватској у XVIII веку.— Зборник за историју, 1976, № 14, с. 47.
  17. КАШИЋ Д. Српски манастири у Хрватској и Славонији. Београд, 1971; его же. Srbi i pravoslavlje u Slavoniji i S. Hrvatskoj. Zagreb, 1967; КРЕСТИЋ В. Неприхватљиве оцне о Србима Војне крајине.— Историјски гласник, 1984, № 1—2.
  18. ГАВРИЛОВИЋ С. Друштвено-економско стање Срба у Хабсбуршкој монархији од краја XVIII до средине XIX века.— ГСАНУ, 1983, кн. 338, с. 175—176.
  19. КРЕСТИЋ В. Од развојачења батаљона до стварања Краљевине СХС.— Шајкашка. Т. 2, с. 342—344.